

Медведева Диана Игоревна

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
КОНЦЕПТА «ЗАПРЕТ»
В ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗНАКАХ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Зеленина Тамара Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Мерзлякова Альфия Хамитовна
доктор филологических наук, доцент
Нифанова Татьяна Сергеевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Якутский государственный
университет»

Защита состоится 11 декабря 2008 г. в 10.00 на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 в ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Автореферат разослан 8 ноября 2008 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514533

Ученый секретарь
диссертационного совета

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'И.А. Красноперова'.

И.А. Красноперова

Современная лингвистика развивается в рамках антропоцентрической парадигмы, анализирующей языковую личность и диктующей функциональный подход к фактам языка. Лингвистический антропоцентризм, восходящий к идее немецкого ученого Вильгельма фон Гумбольдта о языке как духе народа, с 90-х гг. XX в. плодотворно развивается в работах Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, В.Н. Телия, В.А. Масловой и других исследователей.

Осознание теснейшей связи языка с культурой обусловило выделение нового лингвистического направления – лингвокультурологии, исследующей проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке.

Концепт «запрет» является важной и неотъемлемой частью культуры любого национально-культурного сообщества и участвует в формировании культурных норм. Настоящее исследование посвящено изучению языковой репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках, поскольку в содержательном аспекте общественных знаков центральное место отводится фиксации запретов, отражающих ценности и нормы отдельных лингвокультурных сообществ. Таким образом, общим подходом в нашем исследовании является лингвокультурологический подход.

Актуальность исследования определяется высокой значимостью общественных знаков для межкультурной коммуникации и их недостаточной изученностью в лингвокультурологических исследованиях; необходимостью систематизации языковых средств объективации концепта «запрет» в общественных знаках и выявления особенностей вербализации изучаемого концепта в различных лингвокультурах.

Объект исследования составляют общественные знаки – особый тип текстов официально-делового стиля, обладающих определенными лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками.

Предметом исследования является языковая репрезентация концепта «запрет» в общественных знаках.

Цель работы – провести комплексное лингвокультурологическое исследование репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках. Из поставленной цели вытекают следующие задачи:

- 1) осветить проблематику запрета в гуманитарных науках;
- 2) обосновать алгоритм изучения концепта «запрет»;
- 3) провести анализ понятийного и ценностного компонентов концепта «запрет» в изучаемых лингвокультурах;
- 4) уточнить лингвистические и экстралингвистические характеристики и разработать дефиницию общественных знаков как типа текстов;
- 5) на основе лингвокультурологического анализа общественных знаков выявить лексико-грамматические, композиционные, стилистические и культурно обусловленные особенности репрезентации концепта «запрет» в данных знаках.

Материал исследования составляют лексикографические статьи толковых словарей и общественные знаки в количестве 2000 аутентичных текстов на немецком и русском языках, отобранные методом сплошной выборки в пространстве немецкой и русской культур. Также использовались материалы интернет-ресурсов. Кроме немецкого и русского языков, привлекались данные английского и сербского языков.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили работы ведущих лингвокультурологов (Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, В.В. Воробьев, В.А. Маслова и др.), представителей лингвоконцептологического направления (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, С.Г. Воркачев, Ю.Е. Прохоров, М.В. Пименова и др.), культурологические исследования немецкого и русского менталитета (Н.А. Бенедиктов, К. Касьянова, А.В. Сергеева, В.К. Трофимов, Г. Крейг, Н. Bausinger, В. Nuss, S. Schroll-Machl, A. Thomas и др.), исследования запрета в гуманитарных науках в различных терминологических обозначениях (П.И. Дзыгивский, И.В. Кузин, Е.В. Астапенко, М.Ю. Роменская, О.В. Сарайкина, А.Н. Скрипаенко и др.), работы, посвященные проблемам исследования общественных знаков (В.М. Аринштейн, А. Вежбицкая, Л. Попович, R. Rathmayr, M. Snell-Hornby и др.).

Цель и задачи предопределили использование следующих **методов исследования**: метод сплошной выборки; описательный метод; метод концептуального анализа; метод сопоставительного

анализа на лексико-грамматическом, композиционном, стилистическом уровнях; компонентный, контекстуальный, интроспективный анализ; количественный анализ; метод лингвистического интервьюирования.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в качестве самостоятельного предмета лингвокультурологического исследования изучается концепт «запрет», вербализованный в общественных знаках; выявлены основные языковые способы и средства выражения данного концепта в изучаемых лингвокультурах, а также обоснована необходимость выделения общественных знаков как отдельного речевого жанра в рамках официально-делового стиля и проведено комплексное исследование лингвистических и культурно обусловленных характеристик общественных знаков.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в интегративном подходе к изучению концепта, базирующемся на применении как собственно лингвистических методик исследования репрезентантов концепта, так и на привлечении общекультурологических данных о концепте; в уточнении соотношения универсальных и специфических характеристик изучаемого концепта путем анализа его понятийной и ценностной составляющих, что способствует обогащению данных лингвоконцептологии, а также в обосновании и разработке комплексной модели изучения общественных знаков в русле лингвокультурологии. Настоящая работа вносит определенный вклад в описание ценностных картин мира разных лингвокультур.

Практическая значимость работы состоит в том, что основные результаты и материалы исследования могут использоваться при подготовке лекционных курсов и спецкурсов по лингвокультурологии, лексикологии, страноведению, теории и практике межкультурной коммуникации, по практике немецкого языка, а также в научных исследованиях по лингвокультурологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепт «запрет» является важным элементом концептосферы любого национально-культурного сообщества, имеющим экзистенциальную значимость для человеческого общества, о чем свидетельствует тот факт, что все гуманитарные науки обращаются к исследованию проблематики запрета.

2. Понятийный компонент концепта «запрет» имеет универсальный характер, а ценностный компонент данного концепта обнаруживает различия в отдельных лингвокультурах.

3. Исследование языковой репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках позволяет выявить особенности, проявляющиеся на лексико-грамматическом, стилистическом и композиционном уровнях, а также служит источником информации о системе ценностей и менталитете народов, культурных стандартах, регулирующих жизнь общества, фактах материальной и духовной культуры.

4. Для одних менталитетов концепт «запрет» является центральным (например для немецкого менталитета, что связано с преобладанием положительного отношения к данному концепту в немецком языковом сознании), для других – периферийным (например для русского менталитета, что отражается в амбивалентном отношении к запретам в русском языковом сознании).

5. Общественные знаки отражают культурные нормы и стандарты. Изучение данных знаков на материале разных языков позволяет выявить ценностные характеристики отдельных лингвокультур и проследить некоторые тенденции развития общества.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены на международных конференциях: Самара 2005, Ижевск 2005, 2006, 2008; всероссийских конференциях: Санкт-Петербург 2005, Ижевск 2007; региональных конференциях: Ижевск 2007.

Апробация материалов и результатов исследования имела также место в ходе научной стажировки по гранту DAAD (Германской службы академических обменов) на семинаре под руководством проф. К. Альбрехт в университете г. Геттинген, Германия, 2006 г.

По теме диссертации опубликовано 13 работ. Диссертация обсуждалась на расширенном заседании кафедры немецкой филологии Института иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, включающего 205 наименований на русском и иностранных языках. Общий объем диссертационного исследования составляет 195 страниц, из них – 173 страницы основного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обосновывается актуальность избранной темы, определяются объект, предмет исследования, цель и задачи работы, характеризуются материал и методы исследования, раскрываются научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, приводятся основные положения, выносимые на защиту, даются сведения об апробации работы.

В *первой главе «Теоретические основы исследования»* рассматриваются проблематика запрета в рамках отдельных гуманитарных наук и различные трактовки запрета в качестве понятия, концепта, значения, категории; особое внимание уделяется анализу подходов к рассмотрению запрета в лингвистических исследованиях; излагается понимание термина *концепт* в лингвокультурологических исследованиях и обосновывается алгоритм изучения концепта «запрет»; анализируются понятийная и ценностная составляющие концепта «запрет»; рассматриваются подходы к изучению общественных знаков в лингвистических исследованиях; предлагается обобщенная дефиниция общественных знаков как типа текста.

С точки зрения представителей философского знания и социальных наук запрет представляет собой сложное, неоднозначное понятие, рассматриваемое в качестве элемента социальной нормы, зачастую в связи с понятием свободы (П.И. Дзыгивский, И.В. Кузин). В психологско-педагогических исследованиях запрет трактуется как социальное явление, установление, правило, предписывающее определенное поведение (Т.Л. Кузьмишина). Следует отметить, что термин «концепт» сравнительно недавно (с начала 90-х гг. XX в.) активно используется в научном дискурсе, однако изучение проблематики запрета в гуманитарных науках имеет давние традиции. В лингвистических исследованиях, в зависимости от подхода, запрет интерпретируется как значение, понятие, концепт, категория. Запрет рассматривается в связи с видами модальностей (Ю.Д. Апресян, А.А. Ивин), с теорией речевых актов (Е.В. Астапенко, М.Я. Гловинская, И.Б. Шатуновский, Е.А. Шмелева), семантикой и типологией прохибитива (В.С. Храковский, А.П. Володин), анализом ключевых слов и культурных скриптов (сценариев) запрета (А. Вежбицкая), в рамках функционально-семантического поля запрета (М.Ю. Роменская), с точки зрения описания семантики запрета как самостоятельного значения, исходя из

функционально-семантического и коммуникативно-прагматического подходов (О.В. Сарайкина), в рамках изучения структурно-семантических и прагматических свойств высказываний со значением институционализированного запрета (А.Н. Скрипаенко).

Несмотря на употребление в ряде работ термина *концепт*, в них отсутствует разъяснение, что именно понимается под концептом, не прослеживается последовательность в использовании данного термина и анализ предмета исследования с позиций лингвоконцептологии.

Лингвокультурная концептология (лингвоконцептология), выделившаяся из лингвокультурологии, является новой научной дисциплиной, изучающей опредмеченные в языке культурные концепты. В исследованиях, проводимых представителями отечественных лингвоконцептологических школ, существуют некоторые различия в понимании концептов и в методах и приемах их исследования. В качестве основных подходов к осмыслению концепта выделяются лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы, которые не являются взаимоисключающими: лингвокогнитивный подход имеет направленность от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный подход – направленность от культуры к индивидуальному сознанию. Лингвокультурный подход к пониманию концепта состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры (Карасик 2002), является «сгустком культуры в сознании человека» (Степанов 2001). Большинство ученых едины в признании того, что концепт имеет овеществление языковыми средствами; через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта в концептосфере и описать данный концепт. Анализ подходов к пониманию концепта показывает, что не все вопросы, связанные с определением сущности концепта, можно считать решенными, о чем свидетельствует появление специальных работ, посвященных систематизации точек зрения на понятие «концепт» и изложению понимания этого сложного феномена (Прохоров 2008). Дискуссионный характер имеют также вопросы разграничения концепта и категории, концепта и значения, концепта и понятия, концепта и концептуальной сферы (В.З. Демьянков, А.А. Залевская, В.И. Карасик, С.Г. Шафиков и др.).

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения В.И. Карасика и понимаем под концептом «многомерное менталь-

ное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» (Карасик 2005). Образно-перцептивный компонент абстрактных концептов, к которым относится концепт «запрет», может быть нивелированным, в связи с чем рассмотрению при анализе изучаемого концепта подлежат его понятийная и ценностная составляющие.

Понятийный и ценностный компоненты концепта «запрет» изучались на основе данных лексикографических источников, общекультурологических исследований, а также посредством комплексного анализа общественных знаков, манифестирующих запреты в отдельных лингвокультурах, что обусловило алгоритм этапов нашего исследования.

При изучении понятийной составляющей концепта мы исходили из того, что наиболее репрезентативные лексикографические источники фиксируют понимание запрета в языковом сознании носителей отдельных языков.

Анализ и обобщение дефиниций имени концепта в толковых словарях современного немецкого языка позволили установить, что объем семантики лексемы *Verbot* весьма обширен и включает в себя следующие семантические компоненты: наличие признанных обществом полномочий у лица либо учреждения для установления запрета; номинацию средств выражения запрета – распоряжение, приказ, предписание; детализируется тот факт, что запрещаемое действие обозначается как недопустимое либо подлежащее прекращению.

Положительная трактовка концепта «запрет» немецким языковым сознанием проявляется в устойчивых словесных комплексах с положительными коннотациями, обозначающих лояльное отношение к запрету (*sich an ein Verbot halten, ein Verbot beachten, befolgen, einhalten*), а также в устойчивых словосочетаниях с отрицательными коннотациями, обозначающих нарушение запрета (*ein Verbot übertreten, gegen ein Verbot verstoßen*). Это положение подтверждается анализом семантики глаголов, сочетающихся с лексемой *Verbot*: в глаголах *beachten, befolgen, einhalten* в имплицитной форме содержится позитивная оценка номинируемого действия и его объекта; в глаголах *übertreten, gegen etw. verstoßen* также в имплицитной форме содержится негативная оценка обозначаемого действия (*Verstoß – Delikt, Unrecht, Untat, Verbrechen*), т. е. нарушение запрета приравнивается к преступлению. Лексема *Verbot* в дефинициях приводится параллельно с лексемой

Gesetz (закон), которая обладает явными позитивными коннотациями в немецком языковом сознании.

Сложносоставные слова, зафиксированные в современных немецких лексикографических источниках, дают представление о многообразных ситуациях, в которых функционируют запреты в немецкой лингвокультуре. Композиты с компонентом *Verbot*- детализируют запретительные распоряжения (*Verbotsbestimmung*, *Verbotsgesetz*), виды знаков, фиксирующих запреты (*Verbotsschild*, *Verbotszeichen*, *Verbotstafel*), время и место действия запрета (*Verbotszeit*, *Verbotszone*). В композитах с компонентом *-verbot* отражаются частотные и релевантные объекты запрета: *Alkoholverbot*, *Ausfuhrverbot*, *Durchfahrtsverbot*, *Einreiseverbot*, *Halteverbot*, *Parkverbot*, *Rauchverbot* и др.

Анализ немецких лексикографических источников показывает, что запрет позиционируется в немецком языковом сознании как общественно полезное и необходимое установление, нарушение запретов подвергается негативной оценке. Многообразие языковых средств объективации концепта «запрет» в немецком языке свидетельствует о высокой номинативной плотности (термин В.И. Карасика) данного фрагмента языковой системы, что отражает значимость вербализуемого концепта для сознания народа.

Согласно данным толковых словарей, в современном русском языке имеются два однокоренных существительных с запретительным значением – *запрет* и *запрещение*. Во всех дефинициях данных синонимов вместо их толкования дается отсылка к глаголу *запретить* / *запрещать*. Это позволяет утверждать, что базовой лексемой с запретительным значением в русском языковом сознании является глагол. Анализ обобщенной дефиниции глагола *запретить* / *запрещать* приводит к выводу, что в ней не акцентируются наличие полномочий для наложения запрета, а также средства, с помощью которых выражается запрет. Определение запрета в целом является абстрактным и недетализированным. В устойчивых словосочетаниях *наложить запрет*, *снять запрет*, *быть / находиться под запретом*, *нарушить запреты* не выявлены четко выраженные позитивные либо негативные коннотации, оценка действия зависит от характера объекта запрета.

Ряд примеров отражает позитивное отношение к запрету, мотивируемое тем, что объект запрета представляет опасность для здоровья человека либо для общества: *запрет на курение*; *запрет на*

ядерные испытания. Большая часть подобных примеров включена в словарные статьи по мотивирующему глаголу *запретить*: *запретить пропаганду войны*; *запретить алкогольные напитки*; *запретить химическое оружие* и т. п. Однако достаточно многочисленны приводимые в лексикографии контексты, отражающие негативное отношение к запрету в русском сознании, где запрет оценивается отрицательно, противопоставляясь воле (свободе личности): *...не глядя на дедов запрет*; *в колхозный лес входили все без запрета* и т. п.

В результате изучения словарных дефиниций имен концептов *Verbot* и *запрет*, их синонимов и фразеологических сочетаний было выявлено, что понятийная составляющая изучаемого концепта в целом универсальна. Общим фактором является наличие сходной интерпретации запрета как недопустимого либо подлежащего прекращению действия в общественной либо частной жизни. Различия объясняются как чисто языковыми, так и культурными факторами, которые зачастую неотделимы друг от друга.

Изучение лексикографии приводит к выводу о преобладании положительного отношения к концепту *Verbot* в немецком языковом сознании, что связано с известным положением о законопослушании носителей немецкой культуры, и об амбивалентном отношении к запретам в русском языковом сознании, в котором совмещается понимание необходимости запретов и восприятие запрета как ограничения.

Результаты анализа лексикографических источников на дальнейшем этапе исследования были дополнены данными общекультурологических исследований немецкой и русской ментальности, поскольку концепт рассматривается как единица ментальности лингвокультурного сообщества.

В культурологической литературе обилие запретов, объясняемое стремлением к разграничению различных сфер жизни и к поддержанию общественного порядка, отмечается исследователями как характерная особенность немецкой жизни и подтверждается нашими наблюдениями в культурном пространстве Германии. Для немецкого менталитета характерно четкое осознание охранительной и упорядочивающей функции закона и запрета как разновидности законодательного акта (либо волеизъявления частного лица). Элемент принуждения / подчинения, присутствующий в запрете, расценивается как необходимое средство достижения порядка и уверенности в безопасности. Концепт *Verbot* гармонично вписывается в

ряд ключевых концептов немецкой культуры (*Ordnung, Gesetz, Sicherheit, Angst, Gemütlichkeit*).

Как следует из аналогичных исследований русской культуры, для нее характерно четкое разграничение и противопоставление формально-юридической сферы, к которой относится концепт «запрет» наряду со смежными концептами «закон» и «право», и морально-этической сферы, к которой относятся ключевые для русской культуры концепты (*душа, совесть, воля, справедливость*). Наряду с признанием охранительной и упорядочивающей функции государственной власти в русском сознании присутствует негативное отношение к запретам, исходящим от официальной власти и воспринимаемым как предел (препятствие), нечто формальное, чужеродное, противоречащее желаниям адресата. В исследованиях, посвященных русской культуре, запретам уделяется меньшее внимание по сравнению с немецкой.

Итак, концепт «запрет» входит в ряд нормативных (регулятивных) концептов, которые упорядочивают жизнь общества и, как показало наше исследование языковой репрезентации изучаемого концепта в лексикографических источниках, подтвержденное данными культурологической литературы, концепт «запрет» является центральным для немецкого и периферийным для русского менталитета. В научных и популярных публикациях о немецкой культуре подчеркивается распространенность и частотность запретов, материальным средством выражения которых являются общественные знаки.

По нашим данным, общественные знаки как явление культуры в настоящее время изучены фрагментарно. В то же время высока значимость этих знаков как фактора, влияющего на межкультурную коммуникацию: это едва ли не первое, с чем сталкивается человек в инокультурной среде; общественные знаки являются непосредственными регуляторами поведения и выразителями норм той или иной культуры посредством языка. В лингвистической литературе отсутствует терминологическое единообразие в обозначении текстов данного типа: существуют термины «публичные директивы», «информативно-регулирующие указатели», «инструктивные общественные указатели», «публичные надписи», «общественные знаки». Разнообразие терминов обусловлено различием подходов к исследованию данных текстов. В нашем исследовании используется термин «общественные знаки» (в работе А. Вежицкой – public signs).

Общественные знаки изучались с позиций теории культурных сценариев (А. Вежбицкая), лингвопрагматического подхода (В.М. Аринштейн), теории речевых актов (Е.В. Астапенко, Л. Попович, В.О. Павлов, Т.В. Руссинова), социокультурного подхода (М. Snell-Hornby), теории контрастивной прагматики (R. Rathmayr). На основе обобщения исследований по данной проблематике в нашей работе предлагается следующая дефиниция общественных знаков: общественные знаки – условное соответствие английскому термину *public signs* – особый тип текстов, которые отличает ряд лингвистических и экстралингвистических характеристик: краткость объема, стандартизованность, однозначность, императивность, обобщенность адресата, бессубъектность, отсутствие эмоционально-экспрессивной окрашенности, функциональная направленность на регулирование поведения граждан в общественных местах путем информирования или напоминания потенциальным адресатам о необходимости соблюдения принятых в обществе норм поведения. По мнению исследователей, данные тексты отражают и одновременно формируют идеологию, менталитет общества и государства (С.Г. Тер-Минасова), являются ключом к пониманию общественных отношений и культурных ценностей (А. Вежбицкая).

Таким образом, объект нашего исследования – общественные знаки – может предоставить наиболее полную информацию о репрезентации концепта «запрет» в различных лингвокультурах.

Во второй главе «**Лингвокультурные особенности объективации концепта «запрет» в общественных знаках**» изучались наиболее частотные лексико-грамматические модели в общественных знаках, лингвокультурные особенности, отраженные на композиционном уровне текстовой организации, специфика выражения запрета в стилистически окрашенных общественных знаках, а также культурно обусловленные особенности, отражающие реалии, нормы, ценности и ментальность народов.

Наиболее распространенной лексико-грамматической моделью в исследованных нами общественных знаках является *X + Partizip II* и *X + причастие прошедшего времени*, например *Fahrräder abstellen verboten* (Велосипеды ставить запрещено) / *Парковка запрещена* / *Забрањено паркирање*. Данная модель представляет собой традиционный, «классический» способ выражения запрета, имплицитный волеизъявление субъекта власти по отношению к адресату. Степень категоричности и официальности запрета в рамках данной

модели варьируется в зависимости от значения лексемы, выражающей запрет (нем. *verboten, untersagt, nicht gestattet* / рус. *запрещено, воспрещено* / серб. *забрањено, nije dozvoljeno*), однако в любом случае предполагается иерархия и дистанция между субъектом и адресатом запрета.

Запреты, выраженные при помощи инфинитивной модели *не / nicht + инфинитив*: *Nicht abstellen oder lagern* (Не ставить, не складировать) / *Без упора не работать*, отличаются категоричностью предупреждающего характера, зачастую обусловленной необходимостью соблюдения техники безопасности. В немецких общественных знаках данная модель употребляется преимущественно в ситуациях повышенной опасности, в русских знаках сфера ее употребления значительно шире: *Не сорить! По газонам не ходить!* Русские общественные знаки подобного рода являются отражением авторитарности волеизъявлений властных структур, обращенных к широкой массам населения. В англоязычных и сербских общественных моделях данная модель не является распространенной.

Лингвокультурная специфика выражения запрета четко прослеживается в функционировании императивных моделей в общественных знаках. В рамках русской и сербской модели *не + глагол в повелительном наклонении* различаются высказывания с глаголами второго лица единственного и множественного числа, подразумевающие обращение соответственно на «ты» и на «вы»: *Не влезай – убьют!* / *Не лупај вратима!* / *Не прыгајте с платформы!* / *Не разбијајте чаше!* Немецких знаков по модели, подразумевающей обращение на «ты», не обнаружено, а знаки на «Вы» (Sie) крайне немногочисленны. Данные особенности отражают различие в восприятии императива в изучаемых лингвокультурах. Употребление повелительного наклонения, особенно в форме на «ты», является нарушением личного пространства, что не противоречит нормам коммуникативного поведения в русской и сербской культурах, но неприемлемо для немецкой ментальности.

В ряде немецких и англоязычных лексико-грамматических моделей заметна тенденция к нивелированию волеизъявления, позволяющая представить запрет не как требование субъекта, противоречащее воле адресата, а как всеобщее и объективное правило, сохраняющее, однако, категоричность. Это пассивные и модальные конструкции, такие как *Falsch geparkte Fahrzeuge werden kostenpflichtig abgeschleppt* (Неправильно припаркованные транс-

портные средства будут отбуксированы за счет владельца), *Zeitungen dürfen nicht selbst kopiert werden* (Не разрешается копировать газеты самостоятельно); надписи типа *Es besteht striktes Rauchverbot* (Здесь действует строгий запрет курения), где формальным субъектом действия является сам запрет, а также широко распространенные в англоязычном пространстве знаки типа *No parking*, *No trespassing* и т. п. Данная тенденция указывает на ценность правил и характерна для индивидуалистических культур, где вторжение в личную сферу индивида нежелательно.

В большинстве проанализированных русских и сербских лексико-грамматических моделей запреты эксплицитны; альтернативные модели, представляющие запрет как всеобщее и объективное правило, не исходящее от субъекта власти, немногочисленны. Данные особенности приводят к выводу о большей значимости не констатации запрета, а обращенности его к адресату. Такие лингвистические способы выражения запрета являются более действенными для коллективистических культур.

При исследовании лексико-грамматических моделей в разных языках прослеживается современная тенденция к смягчению, демократизации запретов, употребляемых в сравнительно безопасных ситуациях. Так, маркеры вежливости нем. *bitte* / англ. *please* / рус. *просьба, пожалуйста* / серб. *молимо* придают запрету характер просьбы: *Bitte nicht in den Zeitungen blättern* (Просьба не листать газеты) / *No smoking please* / *Пожалуйста, не курите близко у окон* / *Молимо не улазите док вас не прозову*. В ограничительной модели с *nur* / *only* / *только* / *само* внимание фиксируется на позитивной стороне вещей – разрешении: *Nur für Kunden* / *Authorised personnel only* / *Только для сотрудников банка* / *Само за особые*.

Итак, анализ лексико-грамматических моделей и их вариантов в общественных знаках приводит к выводу о существовании универсальных и специфических особенностей в способах языковой реализации концепта «запрет» в общественных знаках. Наличие либо отсутствие отдельных лексико-грамматических моделей и степень их распространенности указывают на существование определенных культурных стандартов, а также обусловлены спецификой конкретных языков.

Лингвокультурные особенности выражения запрета в изучаемых текстах, отраженные на композиционном уровне текстовой организации, проявляются в частотности, в наличии или отсутствии обра-

щения к адресату, расположенного в начале текста, и номинации субъекта власти, завершающей данный текст. Большинство исследованных текстов отличает анонимность субъекта и адресата, однако имеются исключения, отражающие специфику стратегий воздействия на адресата запрета в исследуемых лингвокультурах.

Обращения к адресату запрета имеют характер исключений в немецких и англоязычных общественных знаках и широко распространены в русских и сербских знаках. В немногочисленных немецких обращениях проявляется политическая корректность (или языковой такт): *Liebe BesucherInnen* (Дорогие посетительницы и посетители), *Liebe Leserinnen und Leser* (Дорогие читательницы и читатели). Политкорректные обращения в современной немецкой культуре дифференцируют гендерный аспект, причем обращение к лицам женского пола ставится на первое место. Обращения в русских и сербских общественных знаках отличает широкое разнообразие номинаций адресата по социальной роли и роду занятий, но без дифференциации гендерного аспекта: *Уважаемые покупатели / посетители / клиенты; Поштовани колеге / корисници / посетиоци* и т. д. Частотность обращений указывает на ориентированность культуры на адресата, в то время как отсутствие обращений отражает ориентированность на содержание сообщения.

Ссылки на субъект власти либо официальное постановление присутствуют в значительном количестве немецких и русских общественных знаков. Немецкие знаки, снабженные подобными ссылками, содержат безэквивалентную лексику, реалии, информативные в лингвострановедческом плане. В соответствии с немецкими культурными нормами организация либо индивид как носитель определенной социальной роли или должности имеют право эксплицитно заявить о себе как субъекте запрета. В исследованном корпусе материала было выявлено значительное разнообразие таких обозначений: *Eigentümer* (Владелец), *Oberstadtdirektor* (Глава городской администрации), *Präsident der Universität* (Президент университета), *Hausmeister* (Управляющий домом), *Wohnungsgenossenschaft* (Жилищный кооператив) и др. Обозначение владельца территории, здания, предприятия в тексте общественного знака отражает высокую ценность частной собственности в немецком обществе. Ряд немецких знаков отличает наличие ссылок на полицейскую власть, эксплицирующих законное основание запрета: *Rauchen, offenes Feuer und offenes Licht polizeilich verboten* (Курение и пользование откры-

тым огнем запрещены полицией). Подобные примеры свидетельствуют об авторитетности полиции как субъекта власти в сознании немцев. Конкретное указание на субъект власти отражает тенденцию к детализации, целью которой является четкое распределение ответственности за поддержание порядка, что, в свою очередь, иллюстрирует высокий уровень избегания неопределенности и ориентированность на субъекта волеизъявления в немецкой культуре.

В русских общественных знаках наиболее распространенным видом ссылки на субъект власти является лексема *администрация*, применяемая самыми разнообразными учреждениями. Представляется, что преобладание данного обозначения производит эффект обезличивания субъекта власти, что может привести к пренебрежению запретом и неподчинению.

Стилистически и эмоционально окрашенные общественные знаки составляют меньшинство по сравнению со стандартизированными стилистически нейтральными текстами данного типа. Стилистическую окраску приобретают распространенные запреты, нарушение которых не представляет опасности, но которые требуют оптимизации воздействия на адресата путем использования нестандартных форм выражения (тропов и фигур речи), обнаруживающих черты ментальности и национального юмора.

Универсальными стилистическими приемами в исследованных общественных знаках являются: метафора, игра слов, риторические вопросы, рифма. Лингвокультурная специфика выражения запрета в стилистически окрашенных немецких знаках проявляется в частотности олицетворения, отражающего эмоциональное отношение к домашним животным, в частности к собакам: *Ich muss [leider] draußen warten* (Я должен [к сожалению] ждать снаружи); в эксплицитном обозначении понятий, связанных с отправлением естественных надобностей: *Bitte Weg und Spielbereiche nicht als Hundeklo benutzen* (Просьба не использовать дорогу и места для игр как собачий туалет); в использовании антитезы с целью избегания неопределенности: *Dieser Bereich ist kein Fahrradabstellplatz* (Эта территория – не место для стоянки велосипедов), в сочетании стилистических приемов с маркерами вежливости.

Лингвокультурная специфика выражения запрета в стилистически окрашенных русских знаках проявляется в подчеркнутой императивности поучающего характера: *Не кури – не дома, дома тоже не кури; Бросай курить, давай работать*; в меньшей задей-

ствованности маркеров вежливости; в частотности аллюзий на общеизвестные, стилистически нейтральные знаки: *He стой над душой – He стой под стрелой*. В большинстве исследованных стилистически окрашенных немецких знаков стилистические приемы имеют целью завуалировать запрет (вербальная экспликация запрещения или объекта запрета отсутствует); большинство русских стилистически окрашенных знаков представляют собой эксплицитные запретительные волеизъявления, граничащие с фамильярностью, но воспринимаемые адресатом позитивно. Данные способы выражения запрета характерны соответственно для индивидуалистических и коллективистических культур.

Ситуативный подход к изучению языковой репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках позволяет выявить отраженные в запретах нормы общественной жизни, ценности данной лингвокультуры, а также реалии материальной культуры. В результате применения данного подхода были установлены: а) сферы общественной жизни либо материальной культуры, в которых общественные знаки, содержащие запреты, используются лишь в одной из изучаемых культур и отсутствуют либо незначительно представлены в других культурах; б) сферы жизни общества, в которых посредством общественных знаков закреплены сходные запреты, обладающие ярко выраженной культурно обусловленной спецификой.

В немецком корпусе материала выявлена группа общественных знаков, обращенных к детям, которые размещаются на игровых площадках и во дворах домов: *Spielplatz nur für Kinder unter 14 Jahren. Haltet den Platz sauber und schont die Geräte! Für Unfälle u. Schäden kann keine Haftung übernommen werden, die Benutzung geschieht daher auf eigene Gefahr. Während der Dunkelheit ist die Benutzung der Anlage untersagt. Kein Zutritt mit Hunden!* (Игровая площадка только для детей до 14 лет. Содержите площадку в чистоте и бережно относитесь к игровым снарядам! Ответственность за несчастные случаи и [телесные] повреждения [при использовании площадки] не предусмотрена. В темное время суток пользование игровой площадкой воспрещено. С собаками не входить!). Основной целью подобных знаков является обеспечение безопасности адресата, а также распределение ответственности за возможные негативные последствия нарушения запрета. Как показывают знаки данной группы, немецкие дети с раннего возраста приучаются соблюдать нормы поведения в общественных местах, нести ответ-

ственность за нарушение запретов. В русском корпусе материала подобные знаки отсутствуют.

Для немецкой культуры характерны также общественные знаки, служащие для охраны частной собственности: *Privatweg! Benutzung verboten!* (Частная дорога! Пользование запрещено!); знаки, отражающие особенности парковки транспорта: *Parken nur erlaubt mit Berechtigungsschein. Unberechtigt Parkende werden abgeschleppt!* (Парковка разрешена только при наличии документа на право [парковки]. Противоправно паркующиеся будут отбуксированы); распространность велосипедного транспорта и наличие системы правил его использования: *Fahrräder nur innerhalb der Parkzone abstellen. Fahrräder, die an Bäumen oder außerhalb der Parkzone abgestellt sind, werden kostenpflichtig entfernt* (Велосипеды ставить только в пределах стоянки. Велосипеды, поставленные вне стоянки или прислоненные к деревьям, будут удалены за счет владельца); запреты на распространение рекламной продукции: *Plakatieren verboten. Zuwiderhandlungen werden strafrechtlich verfolgt* (Плакаты расклеивать запрещено. Нарушения преследуются в судебном порядке); запреты, регулирующие сортировку и время утилизации отходов: *Keine Restabfälle und keine organischen Abfälle sowie keine nicht verwertbaren Abfälle einfüllen* (Не бросать отходы, не подлежащие сортировке, и органические отходы, а также не утилизируемые отходы).

Для русской культуры характерны общественные знаки, запрещающие мелкорозничную торговлю: *Торговля на территории магазина запрещена! За нарушение штраф*; запрет дотрагиваться до каких-либо предметов, отражающий тактильный тип русской культуры: *Цветы руками не трогать!*; запрет беспокоить сотрудников различных организаций во время работы: *Просьба не отвлекать вопросами, не относящимися к работе*; запрет распития алкогольных напитков в общественных местах, частотность которого отражает неразвитость культуры потребления спиртного: *Уважаемые покупатели! Распитие спиртных и слабоалкогольных напитков строго запрещено! Администрация.*

Культурная специфика запретов проявляется в ряде общественных знаков, отражающих климатические особенности стран, в частности запреты входить в помещение в верхней одежде. Русские знаки подобного рода весьма многочисленны, что объясняется продолжительностью зимнего периода в России: *Вход в зал в верхней одежде запрещен; Читатели в верхней одежде не обслуживаются и*

т. п. В связи с более мягким климатом Германии аналогичные немецкие знаки менее распространены, кроме того, в немецком языке отсутствует общее понятие «верхняя одежда»: *Jacken, Mäntel, Taschen dürfen nicht in diesen Bereich mitgenommen werden* (Куртки, пальто, сумки не разрешается брать с собой в это помещение). В Германии большое внимание уделяется безопасности и регуляции действий граждан в зимнее время: *Bei Schnee- und Glätte gesperrt! Dieser Weg wird nicht gestreut* (При снеге и гололедице прохода нет! Эта дорога не посыпается песком). В России подобные знаки отсутствуют, а запреты, предупреждающие об опасности, касаются лишь парковки автомобилей: *Машины у стены не ставить! Возможно падение сосулек!; Стоянка авто запрещена. Опасность схода снега с крыши!*

Как показало наше исследование, различия в материальной культуре являются внешним проявлением глубинных различий ценностных доминант, второстепенную роль играют климатические факторы. В немецкой культуре высокую значимость имеют охрана тишины и покоя граждан, четкая детализация отрезков времени, разграничение частного и общественного пространства, детальное распределение ответственности в случае нарушений запретов, воспитание у детей чувства ответственности за свои действия, право частных лиц на волеизъявление посредством общественных знаков, экологическое сознание. Повсеместная распространенность общественных знаков, выражающих запреты, в пространстве немецкой культуры имеет давние традиции. В Германии общественные знаки представляют собой фиксацию регулятивных культурных стандартов, что воспринимается немецким сознанием как норма, неукоснительно исполняемая в соответствии с характерным для немецкой ментальности внутренним контролем и потребностью в порядке.

В России, с точки зрения немецких информантов, запреты и регуляция жизни общества посредством общественных знаков значительно менее распространены, что расширяет возможности импровизации, действий человека на свое усмотрение. Динамика изменения различных языковых средств репрезентации запрета в российских знаках приводит к выводу, что в настоящее время наблюдается тенденция к использованию наряду с авторитарными запретами иных стратегий воздействия на адресата: обращения к личности, апелляции к морали.

Таким образом, изучение репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках на материале разных языков позволяет

выявить ценностные характеристики отдельных лингвокультур и проследить некоторые тенденции развития общества.

В **Заключении** сделаны выводы, намечены перспективы дальнейших исследований.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Медведева Д.И. Концепт «Verbot» и предписывающие знаки в немецкой лингвокультуре // Гуманитарные исследования: Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – № 3 (23). – Астрахань, 2007. – С. 17–21.

Статьи и материалы докладов, опубликованные в сборниках научных трудов и материалах научно-практических конференций:

2. Медведева Д.И. Контрастивный анализ способов выражения идеи запрета в предписывающих знаках (на материале русского, английского и немецкого языков) // Язык и межкультурная коммуникация: Материалы 1-й межвуз. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 19-20 апреля 2004 г. – СПб., 2004. – С. 62–64.
3. Медведева Д.И. Cultural specifics of the concept «Prohibition» // English in a Multi-Cultural Community: Материалы междунар. конф. / Под общ. ред. Н.И. Пушиной, Н.М. Шутовой; Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2005. – Ч. 1: Тезисы. – С. 97.
4. Медведева Д.И. Безэквивалентные общественные знаки как отражение российских культурных норм // English in a Multi-Cultural Community: Материалы междунар. конф. / Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2005. – Ч. 2. – С. 127–129.
5. Медведева Д.И., Филипп У. Методика применения общественных знаков в курсе контрастивного страноведения // Инновационные процессы в сфере образования и проблемы повышения качества подготовки специалистов: Сб. материалов междунар. науч.-метод. конф. / Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2005. – С. 101–103.
6. Медведева Д.И. Предупреждающие объявления в сфере торговли в лингвокультурологическом аспекте (на материале русского и немецкого языков) // Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретический и прикладной аспекты: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Самара, 2005. – С. 200–202.
7. Медведева Д.И. Контрастивный анализ общественных знаков в сфере университетского образования России и Германии // Седьмая научно-практическая конференция преподавателей и

сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска. – Ижевск, 2005. – С. 257–260.

8. Медведева Д.И. Сопоставительный анализ фразеологизмов со значением запрета (на материале английского, немецкого, русского языков) // 75 лет высшему образованию в Удмуртии: Материалы междунар. конф. / Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2006. – С. 136–138.
9. Медведева Д.И., Медведева Т.С. Основные направления исследования межкультурной коммуникации в Германии // Иноязычное образование: Филология. Педагогика. Лингводидактика: Сб. науч. ст. к 65-летию ИИЯЛ и 60-летию проф. В.А. Аветисяна / Сост. и ред. Т.И. Зеленина, А.В. Лашкевич, А.Н. Утехина; Удм. гос. ун-т. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. – С. 101–111.
10. Медведева Д.И. К вопросу об отношении к запретам в русской культуре // Год русского языка в Удмуртии: Материалы регион. науч.-практ. конф. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. – С. 160–164.
11. Медведева Д.И. К вопросу о контрастивном анализе предписывающих знаков в сфере жилья (на материале немецкого и русского языков) // Человек и мир: социальное поведение личности в изменяющемся мире: Материалы всерос. науч.-практ. конф., 15–16 января 2007 г.; Сб. научных работ к 50-летию проф. Н.И. Леонова / Под ред. М.М. Кашапова, Д.Е. Львова. – Ижевск: ИД «ERGO», 2007. – С. 172–173.
12. Медведева Д.И. Стилистические особенности немецких и русских предписывающих знаков // Языковое образование в полиэтническом регионе: Материалы респ. конф. учащихся Удмуртской Республики / Под ред. Т.И. Зелениной, Л.И. Хасановой; Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2007. – С. 130–132.
13. Медведева Д.И. К вопросу о сопоставлении понятий Verbot и запрет (на материале немецкой и русской лексикографии) // Многоязычие и межкультурное взаимодействие: Материалы междунар. конф.; к 80-летию проф. С.Я. Гельберг / Сост. и отв. ред. Т.И. Зеленина, Н.И. Пушина; Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2008. – С. 173–176.

Подписано в печать 28.10.08.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.
Усл. п.л. 1,28. Уч.-изд. л. 1,31.
Тираж 100 экз. Заказ № 1985.

Типография Удмуртского госуниверситета
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

10 =